

Валя Цинкк

Пенелопа

и огненное чудо

Валя Цинкк — новый
прекрасный голос,
рассказывающий нам
увлекательные истории.

Корнелия Функе,
автор международного бестселлера
«Чернильное сердце»

Изумрудный атлас

Валия Цинкк

Пенелопа и огненное чудо

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Цинкк В.

Пенелопа и огненное чудо / В. Цинкк — «Издательство АСТ»,
2017 — (Изумрудный атлас)

ISBN 978-5-17-983069-6

Волосы Пенелопы – цвета пепла, и другой она себя не помнит. Но однажды утром ее волосы становятся огненно-рыжими. Но чудеса на этом не заканчиваются! Пенелопа чувствует, что у нее появились необычные способности и в тот же день узнает, что ее отец, которого она считала давно погибшим, жив. Пенелопа отправляется на его поиски. Впереди ее ждут удивительные приключения!

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-983069-6

© Цинкк В., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	16
6	18
7	21
8	24
9	26
10	29
11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валия Цинкк

Пенелопа и огненное чудо

Valija Zinck

Penelop und der Funkenrote Zauber

*** * ***

Originally published as «Penelope und der funkenrote Zauber»
Печатается с разрешения издательства S. Fischer Verlag GmbH

Copyright © S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017
© Т. Зборовская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

1

Пенелопа Говиндер

Пенелопа Говиндер была необычной девочкой. Ее волосы, прядями спадавшие на лоб, были серыми, точно олово, и от нее вечно пахло костром.

И порой, едва только мать собиралась окликнуть ее, Пенелопа заранее слышала, что та хочет ей сказать. Фрау Говиндер и рта раскрыть не успевала, а Пенелопа уже в ответ: «Да, мама, я мыла сегодня голову!» или «Ладно-ладно, сейчас отнесу бабушке наверх ее кофе!».

То, что волосы у Пенелопы были седыми, казалось ей совершенно в порядке вещей – ведь они никогда другими и не были. К запаху костра она давно привыкла, а над тем, что некоторые слова она слышит еще до того, как они будут сказаны, даже и не задумывалась. Единственным, о чем она все-таки задумывалась, и всерьез, был ее день рождения. Родилась Пенелопа летом, а точнее – тринадцатого августа. И каждый год тринадцатого августа шел дождь. Кроме самой Пенелопы, почти никто на это внимания не обращал. А поскольку большинство людей ходит с зонтиком или в плаще, никто не замечал, что от дождя, идущего тринадцатого августа, на самом деле никто не мокнет.

Когда на свой седьмой день рождения Пенелопа поделилась с матерью своими удивительными наблюдениями, та побледнела, как полотно, и строго сказала: «Ничего не желаю слышать о подобных странностях! Достаточно я их уже навидалась!» Пенелопа спросила, что она имеет в виду, но фрау Говиндер промолчала, и девочке показалось, будто в уголках глаз у нее блеснули слезы. Пенелопа очень любила маму и больше об этом странном дожде не заговаривала. Ни на свой следующий, восьмой день рождения, ни когда-либо еще.

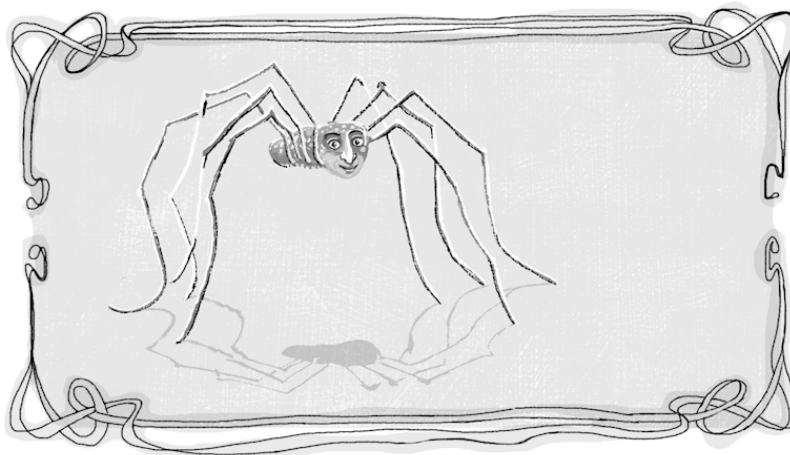
Пенелопа с мамой, бабушкой Эрлиндой и серой кошкой Куку жили в маленьком деревянном домике на самой окраине, прямо там, где начинаются лес и болото. В доме дуло из всех щелей, но несмотря на холод и тесноту, Пенелопа его очень любила. Особенно потому, что издали казалось, будто он покрыт драконьей чешуей. Когда-то стены были ярко-красными, но мама перекрасила их в темно-зеленый. Каждое лето после дождя краска облетала, и под слоем зелени проступало все больше красного – до тех пор, пока весь дом не стал пестрым.

Папа с ними не жил. Он вообще больше нигде не жил, потому что умер, когда Пенелопа была еще совсем маленькой, и она скучала по нему, хоть и совсем не знала его. Единственное, что от него осталось – это кошка Куку и старая, уже довольно потрепанная черно-белая фотография. На ней длинноволосый мужчина, улыбаясь, обнимал фрау Говиндер, у которой тогда еще не было ни одной морщинки, зато был большой круглый живот, в котором сидела Пене-

лопа. Больше во всем доме ничто не напоминало об отце. Все его вещи мама раздала, потому что от одного взгляда на них ей становилось грустно. Пенелопа об этом жалела. Ей бы хотелось больше знать об отце! А то, что ему когда-то принадлежало, могло бы о чем-нибудь ей рассказать... Когда она начинала расспрашивать, бабушка Эрлинда отвечала что-нибудь вроде: «Жаль, конечно, что его больше нет с нами!», а мама вообще никогда о нем не говорила.

2

Дождь

Однажды в пятницу, пасмурным апрельским утром, Пенелопа проснулась оттого, что кто-то щекотал ей нос.

– Куку, отстань! – пробормотала она. Но тут вдруг сообразила, что кошка лежит у нее в ногах, как грелка, а то, что щекочет ей лицо, больше похоже на многоножку. Пенелопа тут же вскочила.

– Вот же кикимора принесла! – воскликнула она и с отвращением стряхнула с носа большого желтовато-серого паука-сенокосца. – Чем ты думало, когда заползло на меня?!

Ничего не ответив, сенокосец, пошатываясь на тонких ножках, поспешил скрыться под кроватью.

– Вежливости тебе тоже не занимать! – крикнула ему вслед Пенелопа. Вообще-то она ничего не имела против косиножек, пауков и прочих ползучих тварей, вот только не в шесть утра и не у себя на носу. Тут ее взгляд упал на дремлющую кошку. – Это так ты меня охраняешь? На меня прямо с утра напало жуткое насекомое, а ты посапываешь себе и ухом не ведешь?

Куку даже не шевельнулась.

«Видимо, со мной сегодня все решили не разговаривать», – подумала Пенелопа. Но не тут-то было. В следующую секунду по дому разнесся пронзительный вопль:

– Пенелопа, на по-о-о-мощь!

Ага! Наверное, у мамы молоко убежало, или она капнула кофе себе на платье. Но, спускаясь по потертой деревянной лестнице, Пенелопа не учуяла ни запаха подгоревшего молока, ни вкусного аромата кофе. Мама, свернувшись калачиком, спала на диване. Ох уж эти слуховые галлюцинации! Временами они просто выводили Пенелопу из себя. А уж когда то, что она должна была услышать, возникало у нее в голове за несколько дней до того, как прозвучит на самом деле, это совершенно сбивало ее с толку.

Тихо, чтобы не разбудить маму, Пенелопа стала готовить завтрак. Завтракая в одиночестве, она заваривала себе вербену и намазывала булочку маслом. Фрау Говиндер играла на кларнете в городском театре и после вечерних спектаклей возвращалась домой глубоко за полночь. Утром она отсыпалась, и Пенелопе приходилось завтракать одной, вот как сегодня. Надкусив булочку, она смотрела на капли дождя, кривыми дорожками сбегавшие по стеклу. «Жаль, что это настоящий дождь, а не как на мой день рождения! – подумала она и сделала глоток чая. – Пока доберусь до автобусной остановки, промокну до нитки!»

Пенелопа вышла из дома. В лицо дул пронизывающий ветер. Втянув голову в плечи, она выкатила из сарая велосипед. От их дома до проселочной дороги тянулась песчаная бугристая тропинка. Вдоль обочины торчали пучки травы. Ехать по этой тропинке было совершенно невозможно, и Пенелопа обычно катила велосипед до старого бука, за которым можно было свернуть на мощеную улицу. Там она садилась на своего железного коня и взбиралась вверх по крутому склону.

По дороге ей встретился незнакомый трактор. Грохоча, он быстро катил навстречу, и именно в тот момент, когда Пенелопа объезжала огромную лужу, тракторист прибавил газу и проехал прямо по воде, подняв кучу брызг и окатив Пенелопу песком. Ей казалось, будто ее только что вытащили из болота.

– Ах ты, кривая рожа! – крикнула она вслед трактору, вытирая лицо рукой. – Ты за это поплатишься, уж будь уверен!

Что же это за день такой? Сначала паук на лице, потом душ из лужи...

– Ну а ты, ты куда смотрела? – обозлилась она на дорогу. – Не могла, что ли, сделать так, чтобы он поехал как-нибудь еще?

Дорога, разумеется, ничего не ответила, и Пенелопа потащилась дальше к остановке.

– Да ты, никак, уже искупалась? – усмехнулся водитель, когда она вошла в автобус, но отвечать у Пенелопы никакого желания не было.

Добравшись до школы, она стащила с себя мокрую одежду, развесила на дверце шкафчика и натянула футболку и шорты, которые обычно носила на занятиях спортом. От них, конечно, несло сыростью, да и денек выдался прохладный, но всё лучше, чем голышом, решила Пенелопа. Ничего, обойдется! В конце концов, она ведь не неженка! Но когда Пенелопа начала стучать зубами так громко, что у учителя математики на доске вместо прямых линий начали выходить зигзаги, тот не выдержал.

– Все, хватит дрожать! – воскликнул герр Пумпф. – Пятый «Б», проявите солидарность со мной (бедный я, несчастный!) и с нашей многоуважаемой мисс Говиндер. Кто готов поделиться с ней какой-нибудь одеждой и спасти от воспаления легких?

Готовы были все. И вскоре Пенелопа сидела в шелковом топе, водолазке мятно-зеленого цвета, слегка щекочущихся теплых колготках, бежевых леггинсах, одном штопаном чулке, вязаном жакете, свитере с капюшоном, в налобной повязке, с фиолетовым бантом на голове, серебряным колечком с розочками на пальце и в двух шарфах – одном черном и другом, в красно-оранжевую полоску.

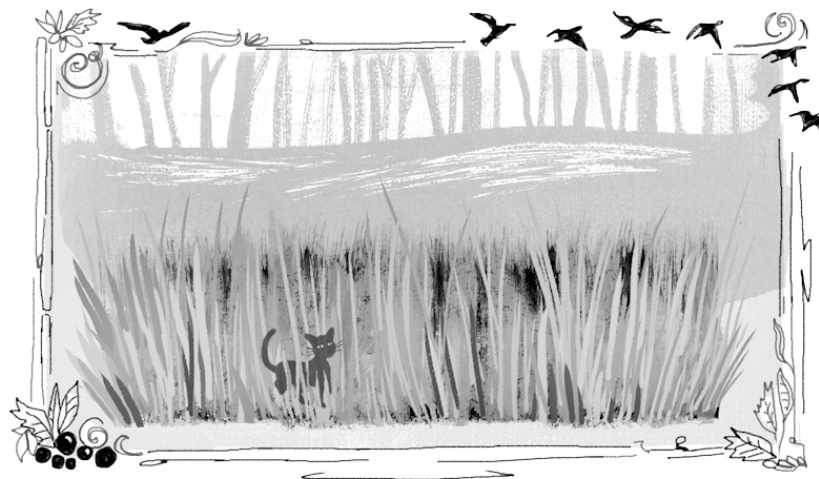
– Не хватает только обуви, – наполовину в шутку, наполовину всерьез заметил учитель. Тут же с задней парты вскочили два невероятно худых блондина. Это были Том и Питч – у обоих щель между зубами, одинаковые улыбки и ярко-голубые кроссовки. На левую ногу Пенелопе предложили кроссовку тридцать восьмого размера, на правую – тридцать девятого.

– А мы до завтра и так попрыгать можем! – крикнул Питч, поставив кроссовки перед ней на парту, и подхватил под руку Тома. Так они и поскакали обратно на свои места. Все расхохотались, а Пенелопа даже не знала, что ответить: ощущения были такие, словно у нее внезапно случился еще один день рождения и ей надали гору подарков. И хотя сидела она теперь, словно луковица, а кроссовки, разумеется, были очень велики – разве это имело значение?

Больше ничего необычного тем утром не произошло, и когда в обед пришла пора возвращаться домой, Пенелопа уже вполне могла бы надеть свою одежду, ведь она уже почти высохла – но расставаться с приятным чувством, что ее как будто обнимает целый класс, совершенно не хотелось.

3

Лес и болото

Дождь почти перестал, на улице лишь слегка моросило. Пенелопа решила сократить дорогу и направилась к дому через лес: если идти через деревню, мимо автобусной остановки, то чтобы добраться до драконьего дома, ей требовалась двадцать одна минута, а если идти лесом – то всего двенадцать. Кто уже бывал в заболоченном лесу, тот знает, что сквозь него ведут редкие, очень узкие тропки, и сворачивать с них настоятельно не рекомендуется. Стоит сделать шаг в сторону, как тут же проваливаешься в холодную топь – по грудь, а то и глубже. Если очень повезет, и удастся выбраться (что маловероятно), домой придется шлепать босиком – болото тут же стягивает с ног ботинки, проглатывает, и больше тебе их не видеть.

Пока Пенелопа осторожно перекатывала велосипед через корягу, колеса его чуть не соскользнули – такой скользкой была тропинка. Пенелопа крепче ухватила за руль, вцепилась пальцами ног в стельки огромных кроссовок, очень осторожно обогнула следующее дерево – и от ужаса замерла.

Прямо перед ней на дороге лежало что-то, чего никак не должно было быть на болоте. То, что обычно бывает только на шее. Темно-зеленый платок в розочку. Мамин! Пенелопе хватило двух секунд, чтобы его узнать.

«Что он тут делает?» – спросила себя Пенелопа, поднимая платок, и огляделась, но вокруг были лишь деревья да трава на болоте. Ветер трепал ее седые волосы.

– Мама, ты здесь? – тихонько позвала она.

Но никто не ответил. Сунув платок в карман жакета и еще раз посмотрев по сторонам, она вскочила на велосипед и помчалась вперед так быстро, как только позволяла мокрая дорога.

Сведенными от холода пальцами она постучала в красно-зеленую чешуйчатую дверь. Из дома не доносилось ни звука.

– Мама! – крикнула Пенелопа. – Бабушка! Откройте!

В ответ – только тишина. Пенелопа обошла вокруг дома и заглянула в окно, но не увидела ни дымящейся на плите кастрюли, ни мамы, разучивающей пьесу на кларнете, ни бабушки Эрлинды, склонившейся над своей коллекцией монет – только серая кошка Куку, свернувшись, дремала в кресле.

«Что бы это могло значить?» – задумалась Пенелопа, присев на деревянную ступеньку перед входом. Тут же язык ее словно сам собой принялся щелкать – как и всякий раз, стоило

ей погрузиться в глубокие раздумья. Ничего дурного в этом, в общем, не было, хотя иногда раздражало.

– Боже милосердный! Наконец-то ты явилась!

Перед ней внезапно возникла бабушка Эрлинда. Собственно, то, что это бабушка, можно было понять по потрепанному зеленому плащу, обтягивающему внушительный живот. В остальном старушку было не узнать – ее кожа посерела, крашенные в русый цвет волосы растрепались, глаза опухли, нос покраснел... Что же случилось?

– Твоя мама попала в аварию, – тихо сказала бабушка, садясь рядом на ступеньку.

– Что?! – подскочила Пенелопа.

– Спокойно, спокойно. Все не так плохо. Мы можем прямо сейчас поехать ее навестить.

Дорога на автобусе заняла уйму времени. Бабушка Эрлинда успела рассказать, что в деревне маму сбил какой-то трактор. Она отделалась парой ушибов, но все равно в сознании может оставаться лишь несколько минут, а потом снова отключается.

– А мама сегодня – *целк!* – не была в лесу?

– Нет, а с чего бы? – удивилась бабушка.

– Ну, потому что... Ладно, я просто так спросила, – ответила Пенелопа и уставилась в окно. По ту сторону луга чернел заболоченный лес.

4

Новая прическа

В последовавшие за несчастным случаем недели Пенелопе пришлось привыкать к тому, что маму можно увидеть только по выходным, и от этого она очень страдала. Дорога в больницу занимала больше двух часов – о том, чтобы навещать маму на неделе, нечего было и думать. Когда Пенелопа приезжала, мама обычно спала, но в те редкие минуты, когда фрау Говиндер открывала глаза, она мужественно улыбалась дочери и говорила: «Всё образуется! Я чувствую себя уже гораздо лучше и скоро вернусь домой».

Пенелопа надеялась, что это правда.

Привыкать ей пришлось и к кулинарным изыскам бабушки – впрочем, ни к жестким, как подошва, печеночным оладьям, ни к дочерна подгоревшей яичнице, ни ко всему остальному, что могла приготовить бабушка Эрлинда, слова «кулинария» и «изыск» не очень-то подходили.

РЕЦЕПТ
ЯИЧНИЦА ЭРЛИНДЫ ЭРК

Ингредиенты:
2 яйца
сковорода
коллекция монет

Возьмите холодную сковороду, разбейте в нее два яйца.

Масла не наливайте.

*Поставьте сковороду на плиту на самый мощный огонь
и начните раскладывать на столе
вашу коллекцию монет.*

*Как только дым равномерно распределится по комнате,
снимите сковороду с плиты*

и с громким скрипом откройте настежь окно.

подавайте яичницу только после того, как она полностью остынет.

Приятного аппетита!

Рецепт

Яичница Эрлинды Эрк

Ингредиенты:
2 яйца
сковорода
коллекция монет

Возьмите холодную сковороду, разбейте в нее два яйца. Масла не наливайте. Поставьте сковороду на плиту на самый мощный огонь и начните раскладывать на столе вашу коллекцию монет.

Как только дым равномерно распределится по комнате, снимите сковороду с плиты и с громким скрипом откройте настежь окно. Подавайте яичницу только после того, как она полностью остынет.

Приятного аппетита!

К тому, что найти ярко-голубые шнурки довольно непросто, Пенелопа тоже привыкла. На следующий день обнаружилось, что шнурок на левой одолженной кроссовке совершенно истрепался – вероятно, с ним что-то случилось, когда Пенелопа пробиралась через болото. И хотя Питч сказал, что у него есть запасные шнурки, оранжевые, и голубой ему совершенно не нужен, Пенелопа с этим смириться не могла – если уж она что-то одолжила, то обязана вернуть. Даже если не сразу, как в этом случае.

Однажды в пятницу вечером – Пенелопа уже съездила в больницу, и врач сказал, что на следующий день выпишет фрау Говиндер домой, – так вот, однажды вечером, лежа в кровати, Пенелопа вдруг заметила: что-то изменилось.

«Чего-то не хватает... Чего-то, что всегда у меня было, а теперь пропало», – подумала она, но понять, что именно исчезло, так и не смогла. Она включила ночник и осмотрелась. Стол на гнутых ножках стоял на своем обычном месте у подоконника, кресло с ржаво-коричневой обивкой тоже никуда не делось, шкаф тоже был тут – ну а в кровати лежала она сама, поэтому кровать тоже не исчезла.

«Наверное, это что-то настолько маленькое, что я его даже не вижу, – зевнула Пенелопа. – Ну ничего, завтра выясню, а сейчас пора спать».

Она вновь погасила свет и выбросила эту мысль из головы. Когда Пенелопа уже лежала в полудреме, в комнату прокралась Куку, вскочила на постель и зарылась в одеяло, но тут же снова вылезла, подбежала к голове Пенелопы и принялась.

– Отвяжись, – буркнула Пенелопа и отмахнулась от кошки. Мяукнув, Куку вновь полезла под одеяло. Почувствовав, что та теплым клубочком свернулась у нее в ногах, Пенелопа тут же уснула. Немного погодя кошка громко чихнула, а потом еще раз, и еще.

– Так вот в чем дело! От меня больше не пахнет костром, – сквозь сон пробормотала Пенелопа.

И в самом деле: если от тебя всю жизнь пахло костром, а потом вдруг перестало, это озадачивает. И наутро Пенелопа очень удивилась. Но не тому, что больше не чувствует привычного запаха – настоящее потрясение она испытала в ванной, увидев свое отражение. Из висевшего над умывальником зеркала на нее смотрела совершенно незнакомая девочка.

Ну, это, конечно, глупости. Девочка была вполне знакомая, ведь в зеркало смотрела она сама, Пенелопа. Но волосы у нее уже не висели тусклыми серыми прядями, как селедочные хвосты – вместо них появились огненно-рыжие кудри, торчавшие во все стороны.

– Ты кто такая? – спросила Пенелопа у отражения. У девочки был тот же носик пуговкой, те же темно-зеленые глаза и такая же светлая кожа, как у нее самой.

Схватив себя за волосы, Пенелопа поднесла одну прядь к глазам. К правому глазу. И моргнула.

– Не может быть, – пробормотала она. Девочка в зеркале ничего не сказала, но ее губы шевелились в такт словам. Сев на крышку унитаза, Пенелопа попыталась отдышаться и трижды сосчитала до десяти – как всегда, когда хотела успокоиться. Однако это не помогло. Что стряслось? Запах костра исчез, а волосы стали яркими, как языки пламени... Как это могло случиться? И что это значит?

Вдруг она почувствовала такую тоску по матери, какой не чувствовала все эти несколько недель. Пенелопе захотелось упасть ей в объятия, прижаться к груди и услышать, как бьется ее сердце – как она слышала когда-то, когда была совсем маленькой. Захотелось, чтобы мама погладила ее по огненно-рыжей голове и сказала: «Ах, Пенни, милая моя Пенни! Ты же моя дочь, а значит, ты для меня всегда хорошо пахнешь, костром или чем-нибудь еще. И седая ты или рыжая – это не меняет тебя внутри!»

Но в этом-то все и дело! Пенелопа была не уверена, что внутри у нее ничего не изменилось. Чувствовала она себя совсем не так, как прежде – появилась неожиданная легкость, словно она стала прозрачной, да и бодрости было куда больше обычного. Где-то внутри в ней пробудилась такая сила, что позвоночник как будто горел. Нельзя сказать, чтобы это было плохо, но и не так, как Пенелопа привыкла себя ощущать, и поэтому ей все-таки было немного страшно.

В дверь проскользнула Куку, посмотрела на хозяйку и потерлась о ее ноги. Пенелопа наклонилась: до чего же здорово, что кошка тут! Погладив старушку по серой шерстке, она

тайком смахнула слезу. Куку ткнулась мордочкой ей в ладонь – она проголодалась, и звала Пенелопу вниз, чтобы та насыпала ей корма в миску.

– Ну, хватит, милая! – Пенелопа выпрямилась и сделала глубокий вдох. Что ж! Если даже кошка делает вид, будто сегодня совершенно обычный день, то она последует ее примеру.

5

Письмо пришло

Пенелопа схватила с полочки щетку и принялась энергично расчесывать непослушные рыжие кудри, а затем, умывшись ледяной водой, спустилась вниз. Корм – в миску, вербену – в чашку... Что еще? К счастью, это было утро субботы, и в школу идти не нужно. Но подышать воздухом все-таки хотелось. Пенелопу неудержимо тянуло то ли в лес, то ли к тому месту, где огромные камни выстроились в круг, то ли просто в поля – словом, куда угодно, лишь бы не сидеть дома и не думать о случившемся. И вдруг в дверь постучали.

– Кто широко живет, не запирает ворот! – крикнула Пенелопа. И поскольку дверь действительно была не заперта, на пороге в ту же секунду появился почтальон.

– У меня посылка для многоуважаемой Эрлинды Эрк. – Утирая пот со лба, почтальон поставил перед девочкой огромную коробку. – И обычная почта, – добавил он, положив сверху два письма. – Ну что ж, мне пора! Между прочим, отлично покрасилась. Смело, но тебе идет!

Он уже шагнул за порог, как Пенелопа окликнула его:

– А вы ничего не забыли? Я имею в виду вон то письмо в темном конверте!

– А? Что? – изумленно обернулся почтальон. – Разве там есть что-то еще?..

Но, порывшись в сумке, он и вправду выудил темно-серый конверт.

– Вот это да! А ты откуда о нем знала? – нахмурился почтальон, но Пенелопа только пожала плечами. Быстро сунув ей в руки письмо, почтальон заторопился к машине.

«Выглядит так, как будто это написано для *таких, как я*», – мелькнуло в голове у Пенелопы, и она щелкнула языком. Кто были эти «*такие, как она*», Пенелопа не знала, но отчего-то подозревала, что ничего хорошего внутри не обнаружит.

На наклейке с адресом она прочитала: «Люции и Пенелопе Говиндер». Отправитель: «Л. Говиндер». Опять наклейка. Кто такой этот Л. Говиндер? Родственников у них не было, только двоюродный дед, но его звали Бенно Хербст. Им с матерью написал письмо незнакомец с той же фамилией, что и у них. И отправил его в совершенно отвратительном конверте.

– Ну ладно, – пробормотала Пенелопа. – Я, пожалуй, открою. Так я хоть что-нибудь узнаю про этого Л. Говиндера.

Но тут она задумалась. Письмо было адресовано не только ей, но и маме. Имеет ли она право вскрывать его одна?

«Я только посмотрю, – решила она и немного подержала письмо над чайником. – Если я открою конверт над паром, то смогу тут же заклеить его снова, и мама ничего не заметит».

Куку мяукнула и выгнула спину. Ее хвост ходил из стороны в сторону.

– А ну, угомонись! – прикрикнула на нее Пенелопа. – Ты что, думаешь, оттуда собака выскочит?

Открыв конверт, Пенелопа заглянула внутрь. И что же? Никакого письма там не было. И даже открытки. В сером конверте лежали пять евро, и больше ничего.

– Ц-ц-ц, – покачала головой Пенелопа. – И что бы это могло значить?

– Пенело-о-о-о-опа! – разнеслось по дому. На лестнице стояла бабушка Эрлинда. На ней была белая ночная рубашка, а ее лицо было почти такого же цвета. Пенелопа поспешно заклеила конверт и сунула его вниз под остальную почту.

– Силы небесные! Что с твоими волосами? Что это с ними такое? – Бабушка смотрела на нее так, словно посреди кухни стояла не ее родная внучка, а грабитель.

Ах, ну да, конечно! Волосы-то у нее теперь рыжие!.. Из-за письма Пенелопа совсем об этом забыла.

– Хороший цвет, правда? Вот и почтальон так считает. Будешь пить чай?

– Тебя уже кто-то видел? О, небо! – простонала Эрлинда Эрк.

«Поверить не могу! – подумала Пенелопа. Она топнула ногой по деревянному полу, да так, что накопившаяся за последние несколько недель пыль клубами взвилась в воздух. – Только этого не хватало! Сначала она дрыхнет без задних ног, а потом, когда наконец соизволит встать, начинает причитать по поводу моих волос! Вообще-то могла бы и поинтересоваться, как я себя чувствую, и...»

– Мы тебя подстрижем. Сейчас принесу ножницы, – сказала бабушка и скрылась в ванной.

– Вот еще! – рассердилась Пенелопа. – Стриги, что хочешь, только не мои роскошные локоны!

И она громко хлопнула дверью. Промчавшись вниз по лестнице, она побежала через луг к лесу. Перепрыгивая через канаву, она едва не упала. «Главное – убраться подальше отсюда, – стучало у нее в голове. – Дальше, как можно дальше!»

Из леса вышел олень, но Пенелопа его даже не заметила. Она неслась по мокрой от росы траве, и ноги ее мелькали так быстро, словно она летела по воздуху, не касаясь земли. За спиной у нее развевались огненно-рыжие волосы, сияя на солнце, как розовое золото.

6

Серость наступает

Когда Пенелопа подошла к дому, сгущались сумерки. Бабушка Эрлинда, разумеется, уже уехала в город, чтобы забрать маму из больницы. На кухонном столе лежал листок желтоватой бумаги.

«Приедем поздно, ложись спать.

С приветом, б. Э.»

«„С приветом, б. Э.“?! Ну надо же», – подумала Пенелопа, а потом соорудила себе огромный бутерброд, посыпала его жареным луком и налила воды из-под крана. Ах, до чего же славно: завтра вернется мама, погладит ее по голове и заплетет две рыжие косички. Держась за руки, они пойдут гулять в лес... Ну, а бабушка Эрлинда – или просто б. Э., как она, видимо, хочет, чтобы ее теперь называли, – будет сидеть дома и разглядывать монетки из своей коллекции.

Пенелопа отправилась в ванную мыться. Потом долго стояла перед зеркалом и разглядывала свои новые волосы – смотрела, как они переливаются на свету, пробовала их на ощупь. Они спадали на плечи и спускались по спине, словно защищавший ее красный покров. Еще утром она сама перепугалась, увидев себя в зеркале, а теперь даже не могла представить, что когда-то выглядела иначе. Она чувствовала легкость и свободу, а поток сил, пробудившийся в ней с утра, утих. Пробравшись в ванную, Куку полезла вверх по штанине хозяйки.

– Ну, хватит! Уже иду! – рассмеялась Пенелопа и следом за старой кошкой направилась по скрипучим половицам в спальню. Когда глаза уже слипались, она услышала, как открывается дверь: «Мама приехала!» Она вскочила, выбежала из комнаты... и замерла, услышав внизу недовольный голос. Мать расхаживала по кухне.

– Где этот конверт?! Пять евро, говоришь? Поверить не могу! Он что, после всего, что случилось, решил меня еще и позлить? Что всё это значит? Мама, ты можешь мне объяснить? Вот негодяй! Лучше бы я никогда его...

– Но тогда бы у тебя не было Пенелопы, – заметила бабушка Эрлинда. – А она для тебя всё! По крайней мере, ты так всегда говоришь. Он ведь был любовью всей твоей жизни.

Воцарилась тишина, слышно было лишь, как тикают кухонные часы. О чем это они там только что говорили? Кто этот негодяй и любовь всей ее жизни? И при чем тут пять евро?

– И кстати, – добавила Эрлинда Эрк. – Раз уж ты и так на взводе, расскажу тебе всё сразу.

– Что случилось?! – воскликнула фрау Говиндер.

– Волосы Пенелопы... Они... немного порыжели. Ну, знаешь, совсем чуть-чуть... Она сама еще не заметила, но ты должна немедленно...

– Боже мой! – воскликнула мать. – Вовремя же меня отпустили из больницы! Иначе нас ждала бы настоящая катастрофа!

Катастрофа?! Но почему? И почему «боже мой»? Уже второй раз за день Пенелопа рассердилась. Она-то думала, что мама обрадуется, а она вон что говорит! Желание броситься ей навстречу пропало, к горлу подступил ком. Прокравшись обратно в комнату, она забралась в постель и натянула одеяло до самого носа. В голове у нее проносились обрывки разговора: «Тогда бы у тебя не было Пенелопы... Был любовью всей твоей жизни... Да лучше б я никогда его...»

Неужели они говорят о ее отце? Но ведь он умер, и как он может в таком случае кого-то злить? Что там было написано на наклейке – «Л. Говиндер»? Неужели это *Леопольд Говиндер*? Леопольд Артур – так звали ее отца. Пенелопа так яростно щелкала языком, что вскоре у нее заныла челюсть. И почему б. Э. сказала, что ее волосы только слегка порыжели? Она что, теперь плохо видит? Рыжее и представить себе нельзя!

На лестнице раздались шаги. Пенелопа не желала никого видеть. И если она тут же не прекратит щелкать, мама и бабушка заметят, что она не спит.

«Не думай, – приказала себе Пенелопа. – Или думай о чем-нибудь другом! О чем-нибудь очень, очень скучном... О мухоморах! О белых грибах... Моховиках...»

Щёлк-щёлк.

«О лисичках, шампиньонах, бледных поганках...»

Щёлк.

Кто-то подошел и остановился прямо под дверью.

«О бутербродах с сыром, хлебе с тмином, варенье без сахара...»

Дверная ручка опустилась.

«О лютиках, о мыльнике, напильнике, будильнике...»

Уф-ф! Язык, еще разок щелкнув, утомился. Дверь открылась, и в комнату тихо вошла фрау Говиндер.

– Пенни, сокровище мое, ты не спишь?

Пенелопа ничего не ответила. Крепко зажмурившись, она старалась дышать как можно ровнее. Присев на край кровати, мама вздохнула и провела рукой по волосам Пенелопы. Ах, до чего же это было приятно! Как же ей не хватало маминой ласки! Пенелопа уже почти забыла, как злилась на нее, но тут...

Клак!

Что это? Как будто открылась крышка... В нос Пенелопе ударил странный и в то же время знакомый запах. Она вновь ощутила прикосновение к волосам, но на этот раз оно было другим. Пенелопа подскочила.

– Что ты делаешь? – воскликнула она и быстро включила лампочку над головой. Фрау Говиндер так и застыла – вид у нее был такой, словно ее только что заморозили. Не двигаясь, она смотрела на волосы дочери. В руке у нее была кисточка, вымазанная серым, а на коленях стояла большая банка, в которой что-то клокотало – очевидно, та самая серая паста. Всю комнату наполнил запах костра, дыма и серы.

– Мама, что ты делаешь? – повторила Пенелопа. Та не отвечала, тогда Пенелопа подняла руку и потрогала то место, где ее коснулась кисть. На пальцах остались липкие комочки серой грязи. Стоило принюхаться, как в носу защипало, а на глазах выступили слезы. И тут она все поняла. С глаз ее словно спала пелена.

– Ты все это время красила мне волосы! Они никогда не были седыми! Рыжий – мой настоящий цвет, а ты постоянно мазала мне голову этой гадостью. А теперь, пока тебя не было, они обрели свой настоящий цвет...

Она поспешно соскребла с головы вонючую пасту.

Фрау Говиндер по-прежнему не шевелилась.

– Но зачем, мама? Зачем ты это делала?

В ответ ни звука. Ни шороха. И только когда на колени к матери вспрыгнула Куку и мягко ткнулась ей носом в живот, та смогла прошептать:

– Потому что ты для меня всё, Пенелопа. И я не хочу тебя потерять.

Слезы градом покатались у нее по щекам. Пенелопа обняла ее.

– Но ведь ты не теряешь меня, мама! Наоборот, с рыжими волосами я впервые чувствую себя *собой*! Наконец-то я здесь, вся целиком. О какой потере ты говоришь?

Тут мать зарыдала еще сильнее, и Пенелопа, недоумевая, отстранилась и села, подтянув колени к груди. Сердце ее бешено стучало, язык шелкал, не отставая. Рыжие волосы каскадом спадали к ногам. Почему же мама так горько плачет, в то время как Пенелопа радуется тому, что обрела себя? Из-за туч выглянула луна, осветив и комнату, и мебель, и маму, и саму Пенелопу дивным серебристым светом. И вдруг ее снова озарило. Очевидно, не у нее одной была такая огненная шевелюра. Она досталась ей по наследству.

– Расскажи мне о папе, – тихо попросила она. Подняв глаза, фрау Говиндер молча кивнула.

7

Любовь с первого взгляда

– Мы с твоим отцом познакомились на аукционе. Продавали старый дом в деревне, – начала мать. – Туда пришло много людей, но я сразу заметила симпатичного молодого человека с рыжими волосами и в темном пальто. Ни у меня, ни у него денег на дом не хватило, и когда аукцион подошел к концу, он предложил: «Ну что ж, раз мы оба неплохо сэкономили, может, пойдем куда-нибудь и потратим эти деньги вместе?» У него так блестели глаза, что я не могла отказать. В тот день мы долго гуляли – не потратили, разумеется, ни гроша, но зато столько смеялись! Всё, о чем бы он ни говорил, было просто и понятно, всё, что бы он ни делал, казалось само собой разумеющимся и как будто не стоило ему никаких усилий. Поначалу я даже не заметила в нем ничего особенного. На улице была ранняя весна, а он срывал мне ягоды с кустов; он брал молодые листочки, прижимал к щеке, расправлял между пальцев – и тут же из ладоней у него вылетали бабочки. Он подхватил меня за талию, приподнял, закружил – и вдруг мы оказались на самой верхушке огромного дуба. Он взял меня за руку, взглянул на меня и произнес: «Мы с тобой будем жить долго и счастливо. И я всегда буду рядом, до конца своих дней. Ты бы этого хотела? Хочешь стать моей женой?» И я кивнула. Что-то внутри подсказывало мне, что он – любовь всей моей жизни. Хотя я его совершенно не знала!

Фрау Говиндер ненадолго умолкла, теребя край блузки. Глаза у нее странно блестели. Повернувшись к окну и глядя в темноту, она глубоко вздохнула и продолжила:

– Дни, которые мы провели вместе, стали самыми счастливыми в моей жизни. Нам всё давалось легко и просто, жизнь казалась идеальной. Как я уже говорила, твой отец был не такой, как все, и бывали дни, когда ему приходилось уезжать из дома. Он говорил, что отправляется на встречу с такими же, как он – ненадолго, только чтобы не заискнуть. Вернувшись домой, он всегда излучал хорошее настроение, энергия в нём была ключом... Эти встречи словно оживляли его, а его бодрость и смех были так заразительны! Но однажды он вернулся домой бледным, буркнул «Привет!» и скрылся в спальне. Из-за двери доносились странные звуки: что-то шипело, звенело стекло, время от времени раздавались громкие хлопки. Когда он спустился вниз, его волосы, прекрасные длинные рыжие волосы стали седыми, как у старика.

– Что ты сделал?! – воскликнула я в отчаянии. Но он лишь улыбнулся и взял мои руки в свои.

– Я замаскировался, – ответил он и прижал меня к себе. Я не знала, что и думать. Если это была шутка, мне было совершенно не смешно. – Я обесцветил волосы, чтобы стать невидимкой.

– Леопольд, твой план провалился, – ответила ему я. – Прости, но я тебя по-прежнему вижу. Вот он ты, на тебе синий свитер, а волосы у тебя теперь седые.

– Я не это имею в виду, – мягко ответил он. – Я стал невидим для *таких, как я*. Разумеется, они, как и раньше, могут меня видеть – но не могут чувствовать, не могут заподозрить, что я – один из них. И не смогут заставить делать то, чего я не хочу.

– Что ты имеешь в виду? Кто пытается тебя заставить?

– Поверь, Лючия, лучше тебе этого не знать. По крайней мере, пока. Я хочу провести остаток дней с тобой, и только с тобой. Ты для меня важнее всего. Ты для меня всё. Я стану обычным человеком, мы переедем куда-нибудь, где нас никто не знает, и заживем спокойно.

Мы перебрались сюда, купили этот домик и выкрасили его в красный цвет. Раз в месяц Леопольд мазал голову этой странной серой пастой, которая вытягивала из волос не только цвет, но и всю заключенную в них силу. Они оставались седыми, а он – незаметным. Лишь иногда, когда он был абсолютно уверен, что никого из тех, кого он боялся, поблизости нет, он позволял рыжине проступить на пару часов. «Мне это необходимо, – говорил он, – хотя бы иногда. Иначе я не буду развиваться и навсегда застряну на том уровне, на котором сейчас нахожусь». Он уходил в лес, чтобы поупражняться в чем-то новом. Изучал, как поднимать в воздух камни, или как позволить тени вести человека за собой.

Пенелопа во все глаза смотрела на мать.

– А потом появилась ты. Ах, Пенни! Если я и раньше была счастлива, то после твоего рождения солнце, казалось, просто перестало заходить за горизонт. Глаза у тебя были темными и внимательными, а голос мощный, словно ураган. Леопольд и сам был от тебя без ума. Волос у тебя еще не было, ты была совсем лысой, моя крошка. И Леопольд был сам не свой – так ему хотелось узнать, станешь ты рыжей или нет. Но когда на голове у тебя показался первый пушок, первые огненные перышки, этого уже нельзя было не заметить.

Как-то раз вечером, когда на улице бушевала гроза, он сказал:

– Завтра мне нужно снова пойти в лес, испытать себя. Ты справишься, если я на целый день оставлю тебя с Пенни?

Разумеется, я не возражала, и он не стал мазать на ночь волосы пастой из золы. На следующее утро волосы у него сияли ярче солнца. Когда он шагнул за порог, мне почудилось, что он летит, а не идет. Он помахал мне рукой, послал воздушный поцелуй и исчез. С тех пор я больше его не видела.

– Как это?! – воскликнула Пенелопа. Она уже успела с головой погрузиться в сказку, героями которой были ее родители, и неожиданный конец привел ее в полное замешательство. – Быть того не может!

– Вот и я так думала: быть того не может! Но спустя несколько месяцев пришло письмо, и совершенно недвусмысленное.

– Какое письмо?

– А вот такое:

«Дорогая Лючия,

ты всегда знала, что я не такой, как все.

Очень жаль, но в тот день я встретил в лесу женщину – такую, как я. И внезапно понял, чего мне всё это время не хватало.

Не хочу больше притворяться. Хочу снова быть самим собой. Поэтому лучше мне уйти.

О Пенелопе я позабочусь.

С сердечным приветом,
Леопольд Артур»

Плечи Люции Говиндер поникли, но потом она снова выпрямилась. Пожав плечами, она взглянула на дочь.

– Несколько месяцев я плакала и молилась. Я думала, что умру. Но не умерла. Потому что у меня была ты, а тебя нужно было кормить, менять пеленки, качать на руках. Твоя улыбка была мне словно бальзам на сердце. Но твои волосы были огненно-рыжими и такими же ослепительно прекрасными, как у твоего отца. Я испугалась, потому что не знала, унаследовала ты только их цвет или и их удивительные свойства тоже. Я достала из шкафа пасту из золы, которая осталась от Леопольда, и намазала тебе голову. Волосы поседели и стали серыми, как камень, а у меня отлегло от сердца. Когда ты немного подросла, ты начала слышать голоса еще до того, как мы к тебе обращались – и я убедилась, что от отца тебе досталась не только рыжина. Поверь, Пенни, я делала это не для того, чтобы ты ничего не знала о своих способностях. Больше всего на свете я боялась, что однажды уйдешь и ты. Как ушел Леопольд.

Пенелопа перевела дух. У нее было такое чувство, словно она полчаса не дышала.

– А что потом? – спросила она.

– Да ничего! На том и сказке конец. Он ушел, ну и пусть! Слышать о нем больше не желаю. – В голосе матери снова зазвучала прежняя жесткость, и она замкнулась в себе.

– А что за история с конвертом и пятью евро?

– А ты откуда знаешь?! Хотя какая разница... Леопольд каждый месяц присылает деньги на твоё содержание. Седьмого числа приходит серый конверт. Ни письма, ни открытки... На этот раз он, видимо, решил пошутить и прислал всего пять евро. Очень остроумно! Я буквально по полу каталась от смеха.

Тон матери Пенелопе не понравился. Разумеется, фрау Говиндер была зла на своего мужа – он ведь бросил их, – но Пенелопе всё равно не хотелось слушать ее нападки. Как ни странно, они не казались ей справедливыми.

– И ты никогда не пыталась ответить ему?

– У меня нет обратного адреса. Но даже если бы и был, я бы не стала ему писать. – Люция Говиндер встала и собралась уходить.

– Но разве на конверте нет почтового штемпеля? Откуда приходят письма?

– Из какой-то деревеньки под названием Черная Топь. Всё, пора спать, дорогая. О том, что будет дальше, поговорим завтра, хорошо? Я очень устала.

– А дождь, который каждый год идет на мой день рождения и от которого никто не мокнет – он тоже из-за папы?

– Вот этого я не знаю. Правда. А теперь спи!

Кивнув, Пенелопа погасила свет. Внезапно в ее жизни появился самый настоящий живой отец! Это надо было обдумать. У нее был отец с рыжими волосами и необычными способностями, отец, который любил смеяться и с которым не было скучно. Отец, который жил в деревеньке Черная Топь и каждый месяц присылал серый конверт с деньгами.

8 Дорога

Комнату заливал яркий всепроникающий свет утреннего солнца. Проснувшись от того, что луч щекотал ей нос, Пенелопа тут же вскочила и поспешила в ванную.

«Мама первый день дома после больницы. Надо съездить за свежими булочками! А значит, опять придется лезть вверх по склону... – Умывшись, Пенелопа поскакала по ступенькам вниз. – А еще теперь у меня есть папа! Живой, всамделишный папа! Да за это я хоть три раза подряд на гору взберусь!»

Она насыпала кошке в миску корма, налила воды в другую плошку, надела синие сандалии и распахнула дверь. Снаружи было так ярко, что Пенелопа зажмурилась, и даже не заметила, как в это время через порог в дом прошмыгнул серо-желтый паук-косиножка. Куку, спускавшейся по лестнице, тоже не было никакого дела до многоногого гостя – ее манила миска с едой.

Пенелопа выкатила из сарая велосипед и, ведя его за руль, пошла вверх по песчаной тропинке, вдоль которой росли душистые травы.

У старого бука она остановилась и огляделась вокруг. Какое же чудесное стояло утро – полное света, свежести и щебета птиц! Перед ней тянулась дорога, петлявшая среди зеленых холмов и далеко впереди уходившая в лес.

Когда колеса покатались по булыжной мостовой, Пенелопа вскочила в седло и поехала, что было мочи крутя педали. Не успела она проехать и нескольких метров, как раздался громкий скрежет, и в следующее мгновение на вершине холма показался трактор. Пенелопа тут же съехала на обочину. По спине у нее пробежали мурашки. «*Такие, как я! Такие, как я!*» – вновь подумала она, по-прежнему не зная, что это могло означать. А трактор ехал всё быстрее, и Пенелопа только сейчас заметила, что мчится он прямо на нее, никуда не сворачивая. Она стояла, не шелохнувшись, и не могла даже вскрикнуть или отскочить в сторону. Вот и кончилась ее славная, но короткая жизнь! Прости-прощай! Сейчас ее раздавит зеленый монстр, расплющат огромные тяжелые колеса...

Пенелопа почувствовала удар. Раздался звон – но она по-прежнему стояла на ногах. Значит, вот она какая, смерть?.. Нет, не может быть. Никаких изменений она не почувствовала! Приоткрыв глаза, Пенелопа увидела, как трактор завис на двух колесах. Он покачивался в воздухе, словно не мог решить – завалиться на бок или опуститься на землю. Потом его тряхнуло, он грохнулся оземь и, петляя среди холмов, умчался прочь с такой скоростью, словно кто-то

поставил кино на ускоренную перемотку. В тот же самый миг по телу Пенелопы пробежала дрожь, и она почувствовала, как с той же невероятной скоростью мчится на велосипеде вверх по склону. Если так пойдет и дальше, трактор непременно врежется в дерево, а сама она – в ближайший кирпичный дом!

И только когда трактор скрылся в лесу, велосипед вновь покатил с обычной скоростью. Пенелопа притормозила, спрыгнула на землю и, опираясь на руль, сделала глубокий вдох.

«Что происходит?» – промелькнуло у нее в голове.

– Помнишь, в тот раз, когда тракторист окатил тебя водой из лужи, ты возмутилась и спросила, нельзя ли было сделать так, чтобы он поехал как-нибудь еще?

Пенелопа тут же обернулась.

– Подходящего объезда, увы, не нашлось. Но я подумала, что небольшая кочка в сочетании с некоторым ускорением сделают свое дело.

Голос звучал тихо, но понять, откуда он шел, было невозможно – казалось, в вышине раздаются отдаленные раскаты грома. Где был тот, кто говорил, близко или далеко? Внизу, глубоко под землей, или далеко в деревне? Или и вовсе у нее в голове?

– Ну-ну, не бойся! Ты ведь, кажется, куда-то спешила. Если будешь так и дальше на мне стоять, пустишь корни и прирастешь!

Тут кто-то легонько постучал в подошвы ее ботинок – так, что Пенелопа даже подпрыгнула на месте. Она посмотрела вниз. Булыжники как ни в чем не бывало сверкали на солнце.

– Это ты со мной разговариваешь? – прошептала она.

– А кто же еще? – ответила ей дорога.

– Но как же... Как... – Пенелопа запнулась.

– А вот так, – вздыбилась дорога, и Пенелопа вдруг ощутила, как они с велосипедом тихо куда-то плывут, словно на горизонтальном эскалаторе. Она даже не прикоснулась к педалям, а брусчатка уже осталась позади. Когда внизу оказался асфальт, колеса велосипеда закрутились еще быстрее. И только когда Пенелопа захотела притормозить у булочной, она потеряла равновесие и растянулась во весь рост. Дорога издала гулкий рокот. Пенелопа тут же вскочила, отряхнулась, как ни в чем не бывало, кивнула женщине, выходящей из дверей, и поспешила внутрь.

Выйдя из магазина, Пенелопа несколько раз оглянулась по сторонам, прежде чем ступить на серый асфальт.

– Нечего стесняться, – раздались вновь далекие раскаты. – Я давно привыкла к тому, что по мне бегают, ходят, катят, ездят... ну, и что там еще. Для меня это не более чем расслабляющий массаж.

– Вот как, – Пенелопа смущенно улыбнулась, но на велосипед всё равно вскочила осторожнее, чем обычно, и на педали давила не так сильно. Назад ехать было еще проще, ведь дорога теперь шла вниз по склону. И не успела она моргнуть и глазом, как уже оказалась у старого бука.

– Спасибо, – шепнула Пенелопа, сворачивая на песчаную тропку. – Благодарю, что подвезла. И особенно за то, что помогла с трактором.

– О, не стоит. Ну что, до завтра – тебе же завтра в школу, верно? Думаю, я никуда не денусь!

И в громовом голосе послышались гулкие раскаты. Неужели дорога смеялась? Но поскольку Пенелопа молчала, голос буркнул ей вслед:

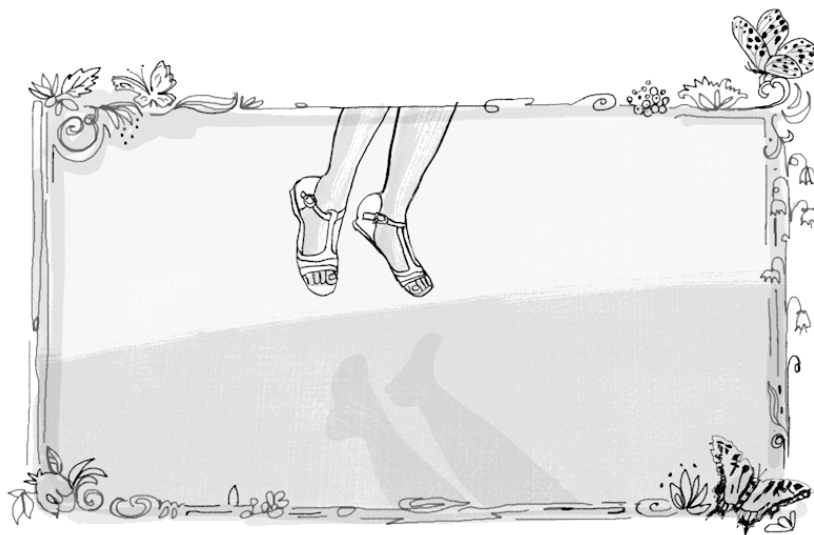
– Хотя кто знает, может, меня перекопают и развернут куда-нибудь еще. Ха-ха.

– Ах вот оно что!

Пенелопа была рада, что успела свернуть – булыжники на мостовой колыхались от хохота.

9

Дружба крепчает

Когда Пенелопа переступила порог своего драконьего дома, окруженная ароматом свежее испеченных булочек, стол был уже накрыт. Мама носилась по кухне, что-то мурлыча себе под нос, и поцеловала дочку в лоб. Пенелопа улыбнулась. Больше всего ей хотелось рассказать о том, что случилось с ней по дороге, но за столом уже сидела бабушка Эрлинда, а при ней Пенелопе не хотелось ни о чем таком говорить. После завтрака мама предложила отправиться на прогулку. «Надеюсь, б. Э. останется дома», – подумала Пенелопа. Но, как выяснилось, именно сегодня бабушка была не прочь поразмяться.

Идя друг за дружкой по узкой тропинке, они миновали заболоченный лес и вышли на влажные весенние луга. Солнце стояло высоко, в воздухе весело жужжали мухи, шмели и пчелы. Пенелопа смирилась с тем, что с рассказами придется повременить. Через некоторое время они подошли к выстроившимся в круг камням – серовато-рыжие валуны образовывали посреди луга кольцо. Пенелопа уже не раз задавалась вопросом, как они сюда попали, но ни учителя в школе, ни мама не знали ответа. Хотя, как внезапно выяснилось, кто-то все-таки знал.

– Это твой папа расставил тут эти камни, – произнесла фрау Говиндер. – Он их сюда приволок, все до единого. Только не спрашивай меня, как. Сам он говорил, что просто вежливо попросил, и они прикатились сами.

– Ну, следует признать, место для пикника вышло отменное, – пробормотала бабушка, опираясь на один из валунов.

Взобравшись на самый маленький, Пенелопа посмотрела сверху на фрау Говиндер. Внезапно ее охватило чувство невероятной близости с матерью – они всегда отлично ладили, но раньше между ними никогда не заходил разговор об отце, и Пенелопе всегда казалось, что существует какое-то белое пятно, отделявшее ее от Люции. Но теперь оно исчезло. Мама закрасила его, разрисовала портретами отца, и за это Пенелопа полюбила ее еще сильнее. Отца она тоже любила. По крайней мере, *одного из них*. Потому что ей теперь казалось, что их было двое – тот, что был мужем ее матери, смешливый и творивший чудеса, и другой, который просто исчез, бросил их, связавшись с другой женщиной. Тот, второй, ей совсем не нравился. Она злилась на него, и от этих мрачных мыслей в голове всё как будто съеживалось. Когда-нибудь

они встретятся, и уж тогда она выскажет ему всё, что о нем думает – в этом она была уверена так твердо, как твердо стояли камни на своих местах.

Прогулка затянулась сильно после полудня. Узкая тропинка вела их вдоль изгороди из терна... Но внезапно кончилась. Дальше идти пришлось через заросшее поле. Вскоре показалась проселочная дорога, отделявшая лес от луга. Стоило им ступить на нее, как раздался рокот и гул; Пенелопа съежилась в испуге.

– Кстати, лучше будет, если ты им ничего не скажешь, – проговорила дорога.

– Что? А, да, конечно, – пробормотала Пенелопа.

Фрау Говиндер в недоумении посмотрела на дочь.

– Что – «А, да, конечно»? Ты что, опять что-то услышала?

– А вы что, ничего не слышали?

– Нет. А что, должны были? – спросили мама и бабушка Эрлинда.

– Нет-нет, – Пенелопа быстро замотала головой. И чтобы отвлечь их, тут же предложила бежать наперегонки: – Кто быстрее до во-он той березы?

И тут же бросилась бежать. Мама, немного помедлив, кинулась за ней следом, да и бабушка заторопилась.

– Даже если ты видишь или слышишь то, чего мы не видим и не слышим, – крикнула вслед Пенелопе фрау Говиндер, – есть одно, чего ты не можешь видеть, но видим мы! Это твои огненно-рыжие волосы! Они развеваются у тебя за спиной, словно языки пламени!

Смеясь, она попробовала догнать дочь; Пенелопа тоже расхохоталась. И, что удивительно, бабушка Эрлинда тоже! Но в следующее мгновение улыбка исчезла с ее лица и она громко вскрикнула: «Аа-а-ах!». Пенелопа обернулась и увидела, что бабушка споткнулась и теперь прыгает на одной ноге.

– Что случилось? – подбежала к ней Лючия.

– Ногу подвернула, – простонала бабушка. – Ох, как больно!

Лицо ее побелело, словно кора березы.

– Ох-ох-ох... Кажется, мне надо присесть!

Она опустилась на траву, и на лбу у нее мелкими капельками выступил пот.

– Дай-ка я посмотрю, – склонилась над ней фрау Говиндер. Но как только она потянула за сапог, бабушка закричала от боли. Пот теперь градом струился у нее по лицу.

– Кажется, я... – пробормотала она. И вдруг повалилась на спину, закрыла глаза и замолчала.

– Что это с ней? – Пенелопа подбежала и опустилась рядом на колени. Она потрясла бабушку за плечо, похлопала по щекам, но та продолжала лежать, не шелохнувшись, и не открывала глаз.

– Она упала в обморок. Ты же знаешь, она не очень хорошо переносит боль. А у меня здесь не ловит телефон. Оставайся с ней, а я побегу за помощью. – И мама умчалась, едва Пенелопа успела открыть рот.

Пенелопа осторожно погладила бабушкину руку.

– Ты меня слышишь? – прошептала она. Но бабушка, по-видимому, ничего не слышала. Поэтому Пенелопа просто сидела и ждала, когда вернется мама, глядела на последние лучики света, пробиравшиеся сквозь ветки и плясавшие на траве, на раскинувшиеся вокруг поля и слушала, как шелестит трава.

Внезапно над ухом у нее загромыхал голос дороги:

– Когда помощь придет, уже стемнеет. К тому же, приближается гроза. Если ты дотащишь эту женщину до меня, об остальном я позабочусь.

– Правда? – Пенелопа подскочила, схватила б. Э. под мышки и принялась тянуть. Тянуть и тянуть. Бабушка оказалась тяжелее, чем могло показаться.

Пенелопе удалось сдвинуть ее на пару сантиметров, но до проселочной дороги оставалось еще метров сто, не меньше.

– Продолжай стараться, – пророкотала дорога. – Гнусь я только в дождь – а когда светит солнце, я твердая, как сушеный червяк. Иначе бы давно помогла тебе.

– Я стараюсь! – задыхаясь, сказала Пенелопа. Теперь она попробовала катить бабушку.

– Что за ерунда! Всё, чем ты тут занимаешься – бессмысленная трата сил. У тебя только мусор в голове, иначе ты бы давно уже занялась тем, что лучше всего умеешь.

Пенелопа ушам своим не верила. Она тянула, толкала, пихала... А эта кривая дорога еще и позволяет себе так с ней разговаривать! И вообще, что это значит – *«мусор в голове»* и *«то, что лучше всего умеешь»*?!

– Это значит вот что: а ну-ка встань как следует и стань сильнее! – прогремело вдалеке.

Сказать, была ли то по-прежнему дорога или уже грохотала гроза, Пенелопа не могла. И как нужно встать «как следует», не знала. И уж тем более, она не знала, как стать сильнее. Поэтому она просто остановилась и закрыла глаза. И стояла – тихо, не шевелясь.

Вдруг ее колени задрожали. Казалось, что ноги прорастают в землю. А откуда-то изнутри нее пробиваются длинные лозы, вонзаются в землю, как корни, и вытягивают из нее силу. «Отлично, – пронеслось в голове у Пенелопы, – отлично! Я и правда чувствую себя сильнее!» Она попробовала дышать ровно и медленно, но тут ее словно ударило током. *Ай!* Пенелопа вдруг почувствовала, что становится прозрачной. Легкой.

Вздрагнув, она посмотрела вниз...

– Эй! Стоп! Не надо! Эй! Куда?!.. Не-е-е-т!!!

Все шло совсем не так, как было запланировано. Она хотела стать сильнее, а не легче! Но ее ноги, ноги!.. Ее ноги в синих сандалиях болтались в воздухе!

10

Сорвавшись с места

Ну, «болтались в воздухе» – это, пожалуй, некоторое преувеличение, но примерно на полсантиметра от земли она все-таки поднялась. А потом на сантиметр. На два. На целых три. На шесть. Внизу шелестела трава, над головой шумели ветви деревьев. Сердце Пенелопы стучало. Она поднималась всё выше и выше. О нет! Вот она уже поднялась на целых полметра! Если так пойдет и дальше, единственное, что ей останется – послать маме открытку: «Прости, пришлось улететь. Шлю тебе привет с Луны! Пенелопа»

Но в то же время парить вот так над землей было по-своему прекрасно. Она могла бы просто позволить ветру нести ее и качать, а сама бы смотрела на мир сверху. Могла бы...

По закатному небу пролетела стая гусей. Хриплые крики птиц достигли ее ушей, вернули с небес на землю. Пенелопа, сама не зная почему, запустила пальцы в волосы и резко потянула вниз. И тут же снова вздрогнула, покачнулась в воздухе, потом ее снова будто ударило током, и сила, тянувшая ее вверх, ослабла. Пенелопа зависла в метре над землей и, держа себя за волосы, вздохнула с облегчением. И прочистила горло.

– Спокойно, – всколыхнулась дорога. – Теперь заверши начатое! Сосредоточься, собери всю свою легкость и передай ее бабушке.

Пенелопа посмотрела на бабушку Эрлинду, на ее большой живот и морщинистые руки, и, сама не зная почему, вдруг стала тяжелее и начала медленно опускаться вниз. Стоило ее ногам коснуться травы, как бабушкино тело слегка приподнялось. Заметить это было трудно, но бабушка уже не касалась спиной земли, а парила в паре миллиметров над ней. Пенелопа осторожно разжала пальцы и подождала немного.

– А теперь – самое сложное, – заявила дорога. – Ничего не делай! Сосредоточься только на том, в каком направлении ей нужно двигаться. Ведь ты собираешься перенести бабушку на меня, а не просто оставить ее повисеть в воздухе. Сосредоточься и жди! И всё. Главное – не терять терпения и не мешай процессу!

Пенелопа набрала воздуха в грудь и мысленно направилась от того места, где они находились, к дороге. Солнце медленно садилось за деревья, тени деревьев теряли четкие очертания. И вдруг раздался «Вжух!» – и бабушка Эрлинда заскользила по лугу, словно подгоняемый ветром сухой осенний лист. Немного покачиваясь, она плыла дальше, пока не оказалась на асфальте. Выдохнув, Пенелопа помчалась за ней вслед.

– То, что надо, – громынула дорога. – А теперь возьми ее за руку и иди рядом.

– А я не могу поехать с ней?

Земля у нее под ногами задрожала.

– Ну, нет. Я могу переместить только одного человека в одном направлении. К тому же, я не лента у кассы в магазине. Или я ошибаюсь, и ты не девочка, а пачка печенья?

– Ладно, ладно, – буркнула Пенелопа и побежала. Темп, который задавала дорога, был не для слабаков.

Больше половины пути до дома они уже преодолели, но тут... «*В-р-рум!*» – и Пенелопа, крепко державшая за руку б. Э., пошатнулась и упала на мостовую.

– Эй, дорога! Это что за выкрутасы? – возмутилась она, потирая ушибленное колено. – Сначала ты заставляешь меня нестись сломя голову, а потом тормозишь?!

– Торможу я не просто так, скоро увидишь...

В ту же секунду на вершине холма показались огни фар. Бабушка открыла глаза, изумленно огляделась, пробормотала что-то вроде «Странно, я ничего не помню!» (Или «Странно, из чулана вопли!», разобрать было невозможно) и попыталась встать.

Пенелопа подскочила и протянула ей руку.

– Сможешь подняться?

– Пока не знаю!..

Машина остановилась, из нее вышла мама в сопровождении мужчины из соседней деревни. Облегчение на лице фрау Говиндер сменилось изумлением. Мужчина тем временем принялся усаживать бабушку на пассажирское кресло.

– Как вам это удалось? – тихо спросила Лючия у дочери, когда та садилась в машину.

– В другой раз расскажу, – так же шепотом ответила Пенелопа, которая и сама не очень хорошо поняла, что произошло.

Небо озарила первая вспышка молнии. Раздался раскат грома, и вот уже над лугами послышался шум дождя. Хотя судя по тому, какие потоки струились с небес, уместнее было назвать его «потопом».

В любом случае, в свете фар Пенелопа не могла различить отдельных капель – впереди стояла стена ливня. Теперь Пенелопа была только рада, что дорога устроила ей пробежку. Сосед ехал очень медленно, и даже иногда останавливался.

– Контролировать скорость важнее всего. Нельзя переоценивать себя и свой автомобиль, – поглаживая руль, повторял он. – Разумеется, время от времени я даю себе волю! Мотор ведь надо иногда пускать на полный ход. Могу как-нибудь прокатить вас по шоссе и показать, что на самом деле у моей старой доброй колымаги под капотом!

Он всё говорил, не замечая, что дождь уже перестал – так же неожиданно, как и начался.

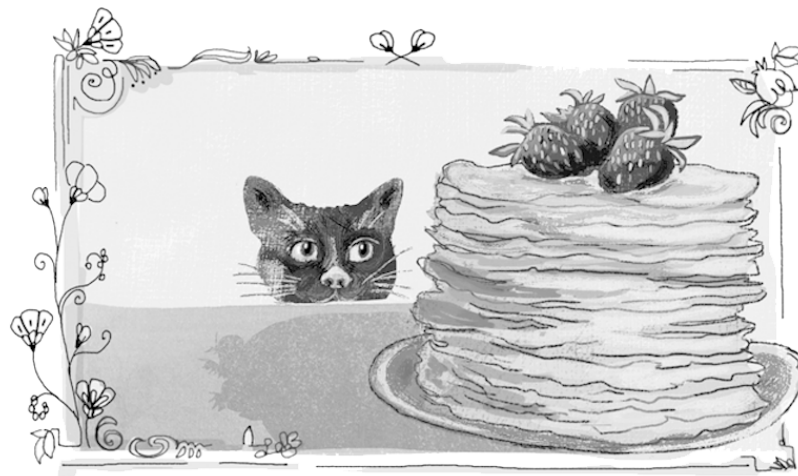
Пенелопа закатила глаза, а фрау Говиндер осторожно поинтересовалась, нельзя ли уже ехать дальше.

– Разумеется, – ответил сосед. – Только нужно иметь в виду, что по такой погоде дорога ведет себя совершенно непредсказуемо!

«Да и по жаре тоже», – с благодарностью подумала Пенелопа и улыбнулась.

11

Новости для Питча

Ночью Пенелопа летала во сне. Она парила в воздухе над своим драконьим домом и, сколько ни тянула себя за волосы, не могла спуститься. Внезапно на трубе дома появился рыжеволосый мужчина со смеющимся взглядом и помахал ей рукой.

– Эй, послушай! Тянуть себя за волосы – это для новичков! Тут дело совсем не в этом!

Но в чем именно дело, он так и не сказал. В следующее мгновение Пенелопа открыла глаза. Сон улетучился, и вспомнить его она уже не могла, осталось только какое-то странное чувство. Кроме того, ей очень хотелось, чтобы после всего, что произошло в последние дни, рядом был кто-то, кто поддержал бы ее. Разумеется, теперь у нее была дорога... Но дорога – это дорога, и стать человеком она никак не могла. К тому же, она как раз и представляла собой одно из тех явлений, которым Пенелопа не находила никакого объяснения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.